

ДИСТРИБУЦИЯ И ВАЛЕНТНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ ЕДИНИЦЫ: К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ

Исследование любой языковой единицы с необходимостью подразумевает изучение как ее внутренних свойств, так и ее отношений с другими языковыми единицами того же уровня, поэтому отбор и классификация материала исследования “должны идти как в плане регистрации форм самого явления, так и моделей, отражающих определенные отношения исследуемого явления с другими языковыми единицами” [17, 21]. Такой подход к изучаемому материалу, его систематизации и теоретическому осмыслению известен в лингвистике как метод дистрибутивного анализа. “Всякий исследователь прежде всего расчленяет изучаемую им действительность, отделяет одни ее моменты от других и старается во что бы то ни стало внести раздельность в то, что раньше представлялось ему смутным и лишенным всяких определенных различий” [13, 147].

Под дистрибуцией обычно понимают сумму всех окружений, в которых встречается тот или иной языковой элемент, то есть сумму всех возможных позиций данного элемента относительно других элементов того же уровня [1, 40; 5, 48; 8, 225]. Следовательно, метод дистрибутивного анализа заключается в том, чтобы определить каждый элемент через мно-

жество окружений, в которых он встречается. Но такое понимание дистрибуции и сущности метода дистрибутивного анализа представляется односторонним, так как отражает только один аспект изучаемого явления – его внешние связи. Поэтому целесообразно говорить здесь о внешней дистрибуции. Лингвистическое же описание внутренних свойств исследуемого языкового явления (то есть качественно-количественных характеристик грамматических форм данной языковой единицы) можно было бы назвать внутренней дистрибуцией. Сходное понимание дистрибуции находим в работах А.А.Корсакова, Л.М.Финогиной и некоторых других исследователей. Естественно предположить, что если та или иная языковая единица имеет всегда только одну форму выражения (наприм., некоторые наречия, местоимения, числительные, т.п.), то необходимость исследования ее внутренней формы отпадает сама собой вследствие неизменности этой формы. Если же объектом исследования является, например, глагол, то количественное распределение в тексте его личных и неличных форм представляет значительный интерес. Так, по данным А.А.Корсакова [7, 67], внутренняя дистрибуция глагола *to have* реализуется в 15 видо-временных формах активного залога, в то время как для глагола *to get*, отмечает С.А.Лещинский [12, 199], характерно использование только в 10 видо-временных формах актива, включая императив. Ниже в Таблице 1 приводятся данные внутренней дистрибуции личных форм этих глаголов (поскольку объем сплошной выборки в обоих исследованиях одинаков и составляет 5000 отрезков речи, в целях экономии места в таблице приводятся только количественные данные в процентном соотношении, причем за 100% берется вся выборка, включая употребления неличных форм).

Таблица 1

Внутренняя дистрибуция личных форм глаголов *have* и *get*
(по данным исследований А.А.Корсакова и С.А.Лещинского)

№ п/п	ФОРМА	HAVE		GET	
		%	PH	%	PH
1.	Past Indefinite	38,74	1	24,50	1
2.	Present Indefinite	24,90	2	16,04	3
3.	Future Indefinite	6,02	3	3,52	5
4.	Future Indefinite-in-the-Past	4,20	4	0,82	9
5.	Past Perfect	3,72	5	2,54	6
6.	Present Perfect	2,56	6	16,52	2
7.	Past Continuous	0,68	8	1,54	8
8.	Present Continuous	0,38	9	1,68	7
9.	Future Perfect-in-the-Past	0,20	10	0,30	10
10.	Present Perfect Continuous	0,12	11		
11.	Past Perfect Continuous	0,06	12	-	-
12.	Future Continuous	0,02	14	-	-
13.	Future Continuous-in-the-Past	0,02	14	-	-
14.	Imperative Mood	1,16	7	3,90	4
15.	Subjunctive I	0,04	13	-	-
Всего:		82,82		71,36	

Данные таблицы 1 позволяют судить о различиях во внутренней дистрибуции приведенных в качестве примера глаголов. Если же учесть, что некоторые личные глагольные формы реализуются в двух и более вариантах (Present Indefinite – *have, has; get, gets*; Future Indefinite – *shall/will have; shall/will get*; Future-in-the-Past Indefinite – *should/would have; should/would get*; Present Perfect – *have had, has had; have got, has got, etc.*), то можно говорить о 24 (для глагола *have*) и 19 (для глагола *get*) различных внутренних структурах исследуемых глаголов.

Внешняя дистрибуция глагола *have*, по данным А.А.Корсакова [7, 73], представлена 14 основными морфолого-синтаксическими моделями. Под моделью в лингвистике принято понимать “схему или образец какой-либо языковой единицы, показывающие последовательное расположение составляющих её частей” [14, 132]. Модели записываются символами грамматических классов (подклассов), исследуемое же слово и некоторые служебные даются в обычной транскрипции. Так получают дистрибутивную формулу слова. Вот как выглядит таблица внешней дистрибуции глагола *have* (в работе А.А.Корсакова эта таблица имеет название “Основные морфолого-синтаксические модели с глаголом *have*”):

Таблица 2

Внешняя дистрибуция личных форм глагола *to have*
(по данным А.А.Корсакова)

№	Основная морфолого-синтаксическая модель	Кол-во случаев	% от 5000
1.	A has B	2373	47,46
2.	A has + to-Infinitive	995	19,90
3.	A has /x + N /	480	9,60
4.	A has N + to-Infinitive	384	7,68
5.	A has (N + D)	250	5,00
6.	A has (N + P II)	135	2,70
7.	A has Pron	95	1,90
8.	A has (N + P I)	45	0,90
9.	A has (N + too – Infinitive)	42	0,84
10.	A has (N + Adj)	31	0,62
11.	A has (N + Phr)	21	0,42
12.	A has Clause	5	0,10
13.	A has N + Gerund	4	0,08
14.	A has (N1 + N2) / (N1 + N2)	3	0,06
Всего:		4863	97,26%

где: А – группа подлежащего;
 В – группа сказуемого;
 N – субстантив;
 D – наречие; P I – причастие I;
 P II – причастие II;
 х – модификатор субстантива;
 to-Infinitive – инфинитив с частицей to;
 too-Infinitive – инфинитив без частицы to;
 // — структура модификации;
 [] – структура вторичной предикации;
 / – “или”;
 Phg – сочетание слов, не являющихся структурой предикации.

Прием дистрибутивного моделирования нашёл широкое применение в лексикографии для показа функционирования слова и его сочетаемости.

Сочетательные способности слова (или другой языковой единицы), его способность “встречаться” с другими элементами того же уровня называют также валентностью [11, 15].

Термин “валентность”, как известно, заимствован в лингвистику из химии, где он используется для обозначения способности атома того или иного химического элемента вступать в химические связи с другими атомами. В данной работе под валентностью языковой единицы понимается её способность сочетаться с другими языковыми единицами того же уровня с различной степенью когезии.

Различают валентность синтаксическую и лексическую. Синтаксическую валентность того или иного слова можно определить как набор, ряд имеющихся при данном слове его синтаксических распространителей, “позиций”, которые при использовании данного слова в речи заполняются другими лексемами. Лексическая валентность — это открытые либо закрытые наборы, ряды слов, семантически связанные/соотносимые с данным словом и способные заполнять его позиции [10, 102].

Однако слова в языке связаны не случайными, но определенными отношениями, именно поэтому язык есть система. “Системность как важнейшее свойство языка проявляется в том, что его элементы составляют комплексную когерентную структуру, уровни которой определяются взаимодействием этих элементов” [18, 18]. Ограничения на сочетаемость слов наблюдаются как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях. Анализ синтаксической сочетаемости английского глагола отражает закономерности сочетаемости компонентов валентностных структур глагола. Так, например, наличие субъектного компонента исключает возможность одновременного использования и объектного компонента и/или адвербиального компонента и/или адвербиального модификатора образа действия. Невозможно также “соседство” при одном и том же глаголе в рамках одного и того же предложения глагольного компонента и предикатива (см. подробнее: [4]). Несочетаемость лексическая есть несочетаемость слов в смысловом отношении [14, 150]. Так, например, глагол “убеждать” на синтаксическом уровне требует после себя субстантивного объектного компонента, а на лексическом уровне лексема-восполнитель должна в обязательном порядке включать семы (+ одушевлённость), (+ человечность), (+/- нарицательность), (+/- счисляемость), (+/- женскость), (+/- единичность), например:

Вы убедили (мою маму; Петра Иванова; избирателей;...)

НО: Вы убедили (моих рыбок; мой компьютер; ...)
 [19, 370].

Очевидно, что восполнители языковой единицы (в нашем случае – глагола) как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях “прогнозируются” семантикой этой единицы. Именно поэтому говорят, что валентность есть свойство значения.

М.Д. Степанова, внесшая значительный вклад в теорию и методику валентностного анализа, считает валентностный анализ частным случаем дистрибутивного [16]. И.В. Арнольд, указывая на сходство валентностного и дистрибутивного анализов,

отмечает, что “с таким же успехом можно было бы считать дистрибутивный анализ частным случаем валентностного” [1, 45]. Естественно, что здесь имеется в виду внешняя поверхностная дистрибуция языковой единицы.

На наш взгляд, валентность и дистрибуция взаимосвязаны, при этом понятие “валентность” несколько уже понятия “дистрибуция”: первое включает лишь обязательные “партнёры” исследуемой единицы, в то время как под вторым понятием подразумевается совокупность всех окружений исследуемой единицы, в том числе и не прогнозируемых семантикой этой единицы, то есть факультативных компонентов. При изучении семантики слова дистрибутивный анализ представляет собой первый этап исследования. “Классификация языковых форм, осуществляемая методом дистрибутивного анализа, является основой классификации значений этих форм. Однако критерий распределения является недостаточным для разграничения отдельных значений слова” [2, 8] и только лишь сочетание метода дистрибутивного анализа с другими методами, в том числе и валентностного анализа, предоставляет исследователю объективные данные относительно изучаемой языковой единицы.

Как и дистрибутивный метод, метод валентностного анализа хорошо поддается формализации как на конструктивном, так и на семантическом уровне организации предложения. Первый уровень относится к плану выражения, второй — к плану содержания.

С позиций конструктивного синтаксиса язык рассматривается как структура, как “сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы, упорядоченных и находящихся в иерархической зависимости в пределах определенных уровней” [5, 45]. Понятие “структура” здесь кладется в основу всех построений. В английском языке, например, различные модели предложений могут быть сведены к четырём синтаксическим структурам – структуре предикации, структуре комплементации, структуре модификации и структуре координации. Анализ ком-

понентов элементарных синтаксических структур позволил нам [3, 61] несколько уточнить традиционное деление на члены предложения и рассматривать следующие девять членов предложения: 1) подлежащее (S), 2) сказуемое (P), 3) комплементируемый глагол (Vc), 4) предикатив (Cs), 5) объектный комплемент (Co), 6) глагольный комплемент (Cv), 7) адвербиальный комплемент (Cd), 8) атрибутивный модификатор (Ma) и 9) адвербиальный модификатор (Md). “Вовлечёнными” в синтаксическое окружение глагола оказываются (в разной степени) все выделенные выше члены предложения, за исключением, естественно, атрибутивного модификатора [15, 286]. Компонентами же валентностных структур глагола сказуемого выступают подлежащее (левосторонняя валентность) и различные виды комплементов (правосторонняя валентность). В связи с факультативным характером адвербиальный модификатор не включается в модели валентностных структур глагола.

Модели валентностных структур того или иного глагола и модели его внешней дистрибуции различны. Последние всегда доминируют в количественном отношении за счет того, что при формализации внешней дистрибуции глагола учитываются в первую очередь морфологические характеристики слагаемых окружения, иначе — их частеречная отнесенность. Для конструктивного синтаксиса, однако, больший интерес представляет структурно-функциональная нагруженность слагаемых глагольного окружения, то есть их синтаксическая функция в предложении. Так, приведенные выше 14 моделей внешней дистрибуции глагола *have* могут быть сведены к трем моделям валентности этого глагола:

1) S – Vc – Co (модели 1, 3 – 8, 10 – 14); 2) S – Vc – Co compl (модель 9); 3) S – Vc — Cv (модель 2), где Co compl объектный комплемент, называемый “сложное дополнение”, Vc — здесь: глагол *have*. Ещё пример. Л.Л.Ивченко в диссертации, посвященной изучению семантической структуры глагола *take* в современном английском языке, приводит 12 моделей внеш-

ней дистрибуции исследуемого глагола, представленных 43 вариантами [6]. Анализ же валентности глагола *take* на синтаксическом уровне позволил выделить лишь 5 моделей валентностных структур этого глагола, представленных 12 вариантами [10, 102-104]. Такое расхождение в количестве моделей объясняется отсутствием однозначного соответствия “часть речи:член предложения”. Любой член предложения может быть представлен более чем одной частью речи, и, наоборот, одна и та же часть речи может выполнять различную синтаксическую функцию (в различных предложениях, разумеется).

Семантический уровень синтаксиса относится, как уже отмечалось, к плану содержания, обеспечивая передачу внешне-ситуационных отношений, “ролей” участников ситуации, поскольку именно ситуация является референтом высказывания. Предложение выражает минимум одну ситуацию, отражая, в конечном итоге, существование (в философском смысле) вещей, их свойств и отношений. Каждый из семантических актантов “играет” определенную роль, обозначая языковую семантику высшей степени абстракции, как, например, “деятель”, “действие”, “объект действия”, “место действия” и т.п. Перечень семантических ролей, впервые разработанных Ч.Филлмором, в настоящее время несколько расширился (наиболее полный из известных нам перечень ролей см. [20, 16]).

При формализации реализованных в речи валентностных потенциалов языковой единицы (здесь – глагола сказуемого) в соответствии с поставленными перед исследователем целями и задачами могут быть учтены и характеристики семантической структуры предложения. Другими словами, каждый компонент валентностной структуры глагола помимо экспликации его синтаксической функции/функций может получать графическое представление его семантической функции/функций. Так, предложение *He gave me a book* с точки зрения валентности глагола на конструктивном уровне может быть представлено формулой

$$S - \check{V} - Co1,$$

где Co1 и Co2 – некоординированные объектные комплементы.

То же предложение на семантическом уровне организации имеет такой вид:

$$S \text{ ag} - - \check{V} - Co \text{ benef},$$

$$Co \text{ obj}$$

где подстрочные индексы обозначают: ag – агентив (агенс), производитель действия, одушевленный аргумент; benef – бенефактив (бенефициатив), получатель (адресат) действия, одушевленный аргумент; obj – объект (объектив) действия, неодушевленный аргумент.

Иногда может иметь место наложение семантических (так же, как и синтаксических) функций. Ярким примером здесь служат предложения, осложненные комплексами. Например, в предложении *He wanted me to leave* конструкция *me to leave* выполняет синтаксическую функцию объектного комплемента глагола *wanted* и в то же время представлена структурой (вторичной) предикации, где местоимение *me* выполняет синтаксическую функцию (вторичного) подлежащего, а инфинитив – синтаксическую функцию (вторичного) сказуемого. С точки зрения семантической структуры этого предложения местоимение *me* выполняет двойную функцию – функцию пациенса (по отношению к первичной структуре предикации) и функцию агенса (в рамках вторичной структуры предикации):

agent	action/state	patient	
<i>He</i>	<i>wanted</i>	<i>me</i>	<i>to leave</i>
		agent	action/state

Очевидно, что слова в предложении связаны сложными отношениями друг с другом, обусловленными сложной семантической организацией слова как центральной языковой единицы. Все слова и формы слов, имеющие самостоятельное структурно-смысловое значение, характеризуются неповторимыми соче-

тательными способностями (валентностью) на разных уровнях формирования предложения – логическом, семантическом и синтаксическом. Валентностный потенциал слова предопределяет место этого слова в предложении и прогнозирует его сочетаемость. Реализация валентности языковой единицы составляет основу её дистрибутивной модели, но не может быть сведена к последней, поскольку дистрибуция подразумевает сумму всех возможных окружений исследуемой единицы, включая и её факультативных распространителей.

Литература

1. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. – М., 1991.
2. Горшкова К.А. Имя существительное широкой семантики thing в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1973.
3. Домброван Т.И. Проблема грамматической классификации глагола в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1996.
4. Домброван Т.И. О некоторых закономерностях синтаксической сочетаемости английского глагола // Записки з загальної лінгвістики. – Вип. 1. – Одеса, 1999.
5. Иванова Л.П. Методы лингвистических исследований: Учебн. пособие. – К., 1995.
6. Ивченко Л.Л. Значение и употребление глаголов объемной семантики в современном английском языке (семантика английского глагола to take): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1980.
7. Корсаков А.А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола to have в английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1979.

8. Кочерган М.П. Загальне мовознавство. – К., 1999.
9. Кочерган М.П. Вступ до мовознавства. — К., 2000.
10. Кошелап Н.Л. Валентностный потенциал глагола объемной семантики to take в современном английском языке // Записки з романо-германської філології. – Вип. 5. – Одеса, 1999.
11. Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Докл. на конф. по обработке и информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. – М., 1961.
12. Лещинский С.А. Сравнительная статистическая характеристика грамматических форм глагола to get // Записки з романо-германської філології. – Вип. 3. – Одеса, 1998.
13. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
14. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 1985.
15. Сосницкий И.А. Слагаемые синтаксического окружения английского глагола // Іноземна філологія на межі тисячоліть: Тези доповідей міжнар. науков. конференції. – Харків, 2000.
16. Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. – М., 1973.
17. Финогоина Л.М. Функционирование и грамматический статус лексемы it в современном английском языке. – Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Одесса, 1982.
18. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. – Харьков, 1998.
19. Radford A. Transformational Grammar: A First Course. – Cambridge, 1995.
20. Sgall P. Revisiting the classification of the dependents (Interesting results and tempting topics for further research) // Issues of valency and meaning. Studies in honour of Jarmila Panevova. – Prague, 1998.